

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Иллюстрация на переплете *Л. Сова*

Будко, Диана Анатольевна.

Б90 Ярче, чем Жар-птица / Диана Будко. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-194543-5

Если все идет не по плану, надо просто поменять план! Волшебница Ирис со своим драконом Мярром вынуждена скрываться в одной из самых пугающих стран Архипелага — Балгинии. Волею судьбы она попадает на службу к ее правителю, принцу Туллию, о жестокости и коварстве которого слагают легенды. Теперь перед волшебницей стоит задача не только избежать придворных интриг, но и разгадать главную тайну принца.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194543-5

© Будко Д., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

САМОЕ СТРАШНОЕ КНЯЖЕСТВО

— Нитка, отливающая то солнечным блеском золота, то лунным бликом серебра, а то и прозрачной рябью воды, на простом льняном полотне превращалась в замысловатый узор с такой легкостью, словно не следовала за иглой, а сама собой вплеталась в ткань. Со стороны казалось, будто у вышивальщицы все получается само собой, а ее пальцы лишь для потехи порхают над рисунком — настоящее волшебство. — Ирис окинула слушательниц таинственным взглядом и добродушно рассмеялась. — Я смотрю, все устали от меня.

— У меня же день рождения. Расскажи еще! — капризно скривила губы стройная девушка с длинными темными волосами.

— Тростник, я сегодня привлекла к себе слишком много внимания, — скромно возразила Ирис. — Зелье красоты, танцующие стрекозы — всем, наверное, хочется приступить к угощению.

Как только другие гости узнали, что среди них есть волшебница, праздничный вечер превратился в рабочий — с той лишь разницей, что здесь пожелания раздавались одновременно, и слова Ирис о том, что она не гадает, не привораживает и не насылает заклятий на давних недругов, просто тонули в новых просьбах. Пришлось смириться и показать пару безобидных заклинаний.

— Всем интересно, — упрямилась Тростник.

— В кои-то веки можно послушать балтинскую сказку, — разочарованно пробубнила одна из приглашенных.

— Кто нам еще ее расскажет? — поддержала ее гостья, устроившаяся поближе к столу.

— Да уж, поживи год во Флорандии — и усвоишь, что все балтинское пропитано пороком, — хихикнула Тростник.

— Ты не боишься принца Пиона? Он не позволяет таких рассказов?

— А принца Туллия? В Балтинии ни один волшебник жить не может.

— У нас в Эмерае говорят — никогда не знаешь, что на уме у принца Туллия.

Каждая из приглашенных торопилась задать вопрос, будто перед ними было всезнающее существо, принявшее обличье человека. Ирис решила ухватиться за последнюю фразу, надеясь перевести разговор на другую тему.

— У меня есть приятель из Эмерая, — улыбнулась она, вспомнив на миг, сколько было в голосе Эмеральда иронии, тепла и гордости за свой родной край, когда юноша о нем рассказывал.

— Почему ты нам решила рассказать балтинскую сказку? — пискнул кто-то, явно намекая, что от ответа уйти не получится.

— Не задумывалась. В любой истории можно найти нечто интересное. — Ирис равнодушно пожала плечами. — Эта показалась весьма занятной. — Она добродушно оглядела слушательниц, семерых девушек. Самым разумным будет прекратить пустую болтовню и продолжить сказку. — Что же, раз всем хочется, то... Входная дверь скрипнула...

* * *

Возвращаясь домой, Ирис уныло рассуждала о том, что все же ей стоит проявить больше интереса к самым банальным и скучным зельям и заклинаниям, раз уж не терпится хозяйничать в собственной лавке.

Ей недавно исполнилось двадцать три года, и она мечтала сделать очередной шаг навстречу своей главной цели в жизни — стать кудесницей. Была накоплена большая часть суммы для покупки симпатичного домика, приобретены три новых котла, хрустальные флаконы и белоснежный фартук. Только вот каждый раз в последний момент что-то шло не так: место для лавки оказывалось не таким хорошим, она делала досадную ошибку прямо на глазах у своего учителя или, как подобает благовоспитанной девушке из знатного рода, поддавалась на уговоры родителей повременить с практикой. Впрочем, в своих мыслях она не могла избежать противоречий: то представляла себя величайшей кудесницей всех времен, то выдающейся неумехой.

Таким двойственным был и облик Ирис. Она одевалась очень просто — все равно даже самая изящная и дорогая одежда смотрелась на ней небрежно и подчеркивала небольшую полноту. Однако ее густые темно-рыжие волосы блестели, как парча на солнце, а тонкие черты лица и темно-карие глаза могли принадлежать лишь настоящей фее.

Саму Ирис мало интересовали как древность рода ее отца, так и то, что ее мать — потомок фей, живших в этих краях за столетия до Зимнего союза и исчезнувших в вечности, как и полагается легендам. Для девушки было важнее находиться в сословии, куда ее без каких-либо возражений приняли шесть лет назад. Здесь были все ее мечты и устремления, а другого пути для себя она и не желала — пусть ее еще тысячу раз назовут глупой и упертой.

Девушка была настолько погружена в мысли, что совсем не обращала внимания на окружающий ее пейзаж. Можно ли заблудиться во Флорандии? Вряд ли. Широкие пустынные зеленые поля и яркие высокие — до самых звезд — растения, которые расползаются по острову, заставляя ощутить себя насекомым, плутающим в глубоких зарослях и пробивающим путь сквозь слои древесины. Большинство флорандцев ни разу не видели окружавшего их моря, потому что считали, что вода и ветер могут

принести больше бед, чем радости, а раз подземные источники питают деревья и пробиваются наружу, позволяя себя укрощать, то зачем озираться, раз нет ненастья. Это все равно, что делать искусственные цветы.

Но Ирис — может, в этом были виноваты крылья, которые могли у нее появиться столетия назад, — разумеется, чувствовала себя невесомой и проворной стрекозой, которая не устраивает авантюры, подобно мотылькам, а созерцает окружающий мир, любясь не только корнями да листьями, но и брызгами соли и порывами ветра. Каждый раз, бывая здесь, она усмехалась про себя способности флорандцев сливаться с окружающим миром.

Вот уже двадцать пять лет некогда одно из самых прекрасных княжеств Архипелага представляло собой весьма прискорбное зрелище. На острове не было ни одного источника пресной воды, и оказалось лишь две возможности ее раздобыть: аккуратно, почти священнодействуя, собирать дождевую воду и росу или обратиться к скрытым под землей источникам. Эти трудности настолько вплелись в повседневную жизнь флорандцев, что те перестали их замечать, и даже, по наблюдениям некоторых лекарей, иным коренным жителям требовалось гораздо меньше влаги, чтобы чувствовать себя превосходно.

Однако дедушке принца Пиона, принцу Курбу, пришла в голову мысль изменить жизнь подданных к лучшему. Он вызвал самых лучших строителей и ученых не только из княжеств Архипелага, но и запредельных стран. После нескольких лет непрерывных замеров и споров был придуман план «поднятия» потоков воды на поверхность острова, закончившийся тем, что большая часть участников работ оказалась погребена на самом дне, а вода ушла вглубь, и теперь ее хватало лишь на то, чтобы питать многочисленные гигантские растения.

На несколько лет принц Курб испортил отношения с соседскими княжествами, чьи правители поставили произошедшее ему в вину, тем более что пострадали люди, приписанные к их землям. Постепенно бывшие

обиды стали казаться незначительными, хоть и не забылись, а вот сама Флорандия так и не оправилась от произошедшего.

Поэтому Ирис, гостившей в этом княжестве вот уже целый месяц, ничего не могло приглянуться или напугать ее: ведь все, кроме моря, здесь было на виду.

И сейчас она медленно шла, отмечая, как непросто здешним волшебникам искать необходимые ингредиенты для самых пустяковых зелий.

— Я-то думал, куда ты запропастилась? — окликнул девушку низкий шипящий голос.

— Мярр, тут негде теряться. — Она запрокинула голову и хихикнула, настолько дракон выглядел забавно, цепляясь острыми когтями за высокий корень и пытаясь разместить на нем свой крупный зад. — Спускайся вниз!

— Премного благодарен за совет! — Он затрясся всем телом, рассчитывая прыжок, и совершенно незаметно, не шелохнув и травинки, оказался подле девушки на земле.

Ирис потеряла Мярра за ушком, однако на его морде было лишь недовольство. Примерно полтора метра в высоту в холке, с выпирающими из пасти толстыми клыками, облаченный в лучшую броню — жесткую чешую сиреневого цвета, с длинным хвостом, увенчанным шипами. Крылья он складывал в узкую полоску на спине, так что казалось, их и в помине нет. Такой дракон мог запросто повергнуть кого угодно в панику одним только блеском своих янтарных глаз с темно-фиолетовыми ромбовидными зрачками.

— Что ты хотел мне сказать? Я немного устала. — Ирис нарочно широко зевнула, подтверждая свою замотанность.

— Веселиться и трюндеть? Ты устала от этих милых вещей? — Язвительность Мярра часто проявлялась даже в самых безобидных моментах.

— Веселье для меня закончилось в тот момент, когда я начала варить для них очередное зелье. Знаешь ли, это чуточку утомляет. — Девушка зевнула еще раз

и машинально сорвала подвернувшийся под руку листок. Задумчиво покручивая стебель в руке, села на корень и громко вздохнула: — Мне здесь не нравится. Не хочу возвращаться во дворец.

— Пожалуй, принц Пион — человек редкого обаяния. — Дракон положил узкую голову ей на колени и сомкнул веки.

— Меня не покидает ощущение, что он не шутил тогда. Он действительно неспроста пригласил нас. — Ирис продолжала теревить лист, не обращая внимания на пожелтевшие от сока пальцы. — Мы с мамой ему, конечно, родня, но ни один принц в здравом уме не приблизит к себе любого, даже самого дальнего родственника. Это может позволить себе только князь, которому нечего бояться.

— Знал, гадюка, что на его приглашение невозможно ответить отказом, — подытожил Мярр. — Может, все же вернемся во дворец?

— Куда мы денемся? Нам здесь еще недели две торчать. Дракон убрал голову и широко зевнул.

— Везунчик, ты хотя бы ночуешь в саду, а не в этом склепе.

Девушка лениво слезла с корня, но не смогла двинуться вперед из-за зацепившейся за сучок темно-синей мантии. Осторожно отцепляя бархатную ткань, подумала, что все же весьма кстати не оставила ее дома. Флорандская мода резко отличалась длиной платьев и штанин, которые едва достигали колен, и девушка не была уверена, что толстые чулки уберегли бы ее ноги от царапин и заноз, да и при всем равнодушии Ирис к туалетам совсем не хотелось портить милое оливковое платьице, сшитое специально для поездки. Расправив ткань и удостоверившись в целостности шелковой рубиновой подкладки, девушка грустно вздохнула и зло пробормотала, но так, чтобы Мярр точно расслышал:

— Завтра же убираемся отсюда.

— Ты же хотела вдоволь наговориться с Тростник, — напомнил дракон.

Он выгнул спину и, разминая лапы о землю, придавил хвостом небольшую клумбу ноготков. В воздухе на несколько секунд вспыхнул характерный резкий запах.

— Ей без меня скучать не приходится. Другие ее подружки сейчас здесь. Да и она уже нашла нового кавалера, — ухмыльнулась Ирис, — а в такие моменты кто угодно лишней. Мы за это время виделись с ней от силы раза два. Я не могу больше здесь находиться! — От отчаянья, будто ее нарочно удерживали на этом самом месте, приковав к нему цепями, Ирис лягнула корень.

— Мне думается, ты не найдешь понимания у родителей. — Мярр предпринял попытку успокоить ее, зная, что это бесполезно.

Ирис ничего не ответила. Она упрямо зашагала по парку, стараясь выдумать тысячу-другую самых надежных аргументов, лучший из которых был — представить все как нечто само собой разумеющееся. В первую очередь она юркнет в отведенную ей комнату, соберет все вещи, а потом объявит о своем решении родителям.

* * *

Придя в неудобную каморку, выделенную принцем Пионом, Ирис, без особых успехов пытаясь остановить граничащее с истерикой отвращение к Флорандии (а откуда оно у нее появилось, еще и такой силы, ей было некогда разбираться), просто взмахнула руками, прошептав: «Засидем Ирис». На полу появился небольшой бордовый ларец, украшенный по краям золотыми вензелями и выгравированной на крышке жар-птицей. Девушка покрутила мизинцем, и все ее вещи сами собой повывезли из ящичков, слетели с полок и уложились прямо в ларец, захлопнув за собой крышку. Ей только и осталось — потереть его правую стенку, чтобы он растворился в воздухе.

На всякий случай она еще раз осмотрела комнату: заглянула под кровать, раскрыла шкаф, зачем-то придиричливо провела рукой по широкому пыльному подоконнику

и брезгливо вытерла перепачканную из-за этого ладонь о занавеску, не стиранную, пожалуй, с того самого пасмурного дня, как ее водрузили на этот подозрительный карниз. В каморке не осталось и намека на чье-то пребывание. Отнюдь не аскетичная и суровая, а скорее скучная и безликая обстановка превращала комнату в кладовую.

Ирис хрипло вздохнула и нервно вынула из прически пару шпилек, с яростью подхватила волосы и заново закрепила кривой ракушкой на затылке, которая, оправдывая название, сползла вниз, будто покоряясь отливу.

Голова стала очень тяжелой, а затылок начало сильно ломить. Девушка завернулась в мантию, продумывая пылкую речь, которая окажется достаточно убедительной для ее родителей, и причины скорого отъезда, не оскорбительные для его светлости.

Не желая больше находиться в этом «склепе», Ирис суетливо вышла из комнаты, но, пройдя пару шагов, вернулась и плотно закрыла дверь. Хотя вряд ли в темноте кто-то мог заметить ее отсутствие.

Принцесса Тирлипат, супруга принца Пиона, никак не могла изжить многовековую дворцовую привычку экономить на свечах. Их зажигали только в честь особо важных событий, а в остальное время обходились естественным светом, не делая различия между солнечным утром и пасмурным вечером. А камин и вовсе затапливались лишь пару раз в год. Поэтому по длинным и, к счастью, широким коридорам все пробирались на ощупь. Только обитатели дворца, в отличие от гостей, делали это более успешно, заведомо избегая известных им опасных углов и никчемных декораций.

Ирис зло вспомнила, как на прошлой неделе маленький наследник со всей радостью и непосредственностью врезался в какой-то столик, и мало того, что брызнувшая из небольшого пореза на голове кровь залила белую шелковую обивку стен, так еще и его крепкий лоб вступил в «спор» с самим столиком, ножки которого сломались, а коллекция фарфоровых ваз отправилась в лучший мир

к своим предыдущим владельцам. Конечно, Ирис злорадствовала не над разревевшимся Вереском, а над уроном, пусть и совсем небольшим, нанесенным гордецу принцу, с которым у нее как раз произошла небольшая стычка. Скуповатый Пион, трясущийся над каждой мелочью, впал в состояние, близкое к беспамятству, но любовь к сыну все же оказалась сильнее, и мальчик обошелся простым наказанием — его поставили в угол. Но это мало подействовало на пятилетнего негодника, и он с прежней непосредственностью продолжил постигать мир. Пару раз он сталкивался с «тетушкой Ирис» и пристыженно опускал глаза, не выпуская из ручонки приятный бархат мантии. Она не делала ему никаких замечаний, а лишь шутливо предупреждала, что иногда стоит проявлять чуть больше предусмотрительности, а то ненароком можно сделать дырку в дворцовой стене — и вдруг это окажется восточная стена, та самая, за которой находится огромный розарий? Тогда из мальчика можно превратиться в настоящего ежика. Вереск озорно отпрыгивал и храбро спрашивал, сумеет ли она превратить его в ежа и правда ли, что из маленьких плаксивых девчонок, таких, как его младшая сестра, волшебники делают лучшие конфеты и самую воздушную сахарную вату. Она качала головой, а он залиvisto смеялся в ответ и тихонечко следовал по пятам, надеясь разузнать нечто необычное. Вообще при каждой возможности он старался крутиться неподалеку от Ирис, а то и вовсе залезал ей на колени, что немало пугало принцессу Тирлипат, считавшую, что ребенку незачем находиться подле ведьмы, но Вереска это мало заботило.

Сейчас же Ирис сама готовилась выступить в роли несмышленого ребенка, осмелившись взбунтоваться против родителей. Приняв благообразный и чуть покорный вид, она громко постучала в их покои. Получив разрешение, неуклюже, зацепив ковер и расправив его ногой, вошла в комнату.

Родители были погружены в свои обычные вечерние занятия. Принц Пион выделил своей родственнице

лучшую гостевую комнату. Уходящее солнце скудно освещало страницы книги Лиато и вязанье феи Сирень, от чего те казались залитыми свежим брусничным соком.

— Ирис, ягодка моя, ты уже вернулась! Как погуляла? — Фея Сирень с довольным видом отложила рукоделие, но, бросив беглый взгляд на дочь, с раздражением сдвинула брови, так что на переносице обозначились глубокие морщинки. — Ты ходила на праздник в своей мантии?

— Да, мама. Здесь не принято обнажать плечи. — Ирис недовольно обхватила пальцами края рукавов, как будто скользкий шелк мог защитить от вполне мирных нападков.

— Я знаю. — Фея Сирень поправила лавандовую вуаль, скрывавшую ее волосы, концы которой эффектно и даже несколько величественно ниспадали на грудь. — Но ведь ты могла надеть вуаль, например, ту, что тебе привез папа из Аквалии, или накидку с рукавами.

— Мне нравится моя мантия, — огрызнулась Ирис. — И я уже могу сама выбрать себе наряды.

— В том-то и дело, что ты их не выбираешь...

Лиато вздохнул и вмешался:

— Ирис, хоть ты и волшебница, но все же принадлежишь к древнейшему роду, не говоря уж о происхождении твоей матери. — Он пригладил короткие седые волосы и поудобнее устроился в кресле, вытянув вперед свои длиннющие ноги. Опершись подбородком о кисть левой руки, покачал головой и добавил: — Все же пора решать.

— Ты прекрасно знаешь, что я давно все решила. И сам поощрял меня. — Ирис села на сундук и прикусила пухлую губу. — Я вовсе не фея, мама, у меня даже волосы не того цвета! Такой уж ты меня родила, — добавила она, чуть подумав, аргумент специально для феи Сирень.

— Но это не лишает тебя права заявлять о своей принадлежности к этому роду, — печально напомнила мать. Она приблизилась к дочери и провела кончиками пальцев по ее щеке, пытаясь то ли приободрить, то ли вразу-

мить. — Ирис, мы с папой, конечно, поможем открыть тебе лавку, как и обещали, но может быть, стоит сконцентрироваться еще на чем-то. Иначе жизнь пройдет, а ты ничего, кроме своих склянок и котлов, не увидишь.

Ирис склонила голову и поджала пальцы ног, всеми силами желая сохранить самообладание. Она понимала, что родителям хотелось одновременно поддержать глупую дочь и вернуть ее на путь истинный, но почему-то это всегда оказывались дороги с разными направлениями. Иной раз она даже начинала ощущать себя тринадцатилетним подростком в их обществе и, оправдывая это, всерьез злилась, что они словно игнорируют ее авторитет у посетителей кудесника Хабмера и среди других волшебников. Единственным утешением было лишь то, что так обращались со всеми незамужними девушками ее сословия, особенно с потомками фей.

От напряжения заныла шея, и, чтобы отвлечься, Ирис попыталась издалека завести речь о своем возвращении в Ферл, используя это как предлог. Однако не успела она произнести и первое слово, как из-за двери раздалось церемонное:

— Соблаговолите извинить, господин Лиато и фея Сирень. Принц Пион желает видеть волшебницу Ирис. Ее нигде нет. Она не у вас? — Как и у всех флорандцев, голос придворного был непривычно высоким и громким, будто он пытался, заглушив пение всех птиц острова, докричаться до кого-то, забравшегося на самую верхушку двухсотлетнего дуба.

— Подождите минуту, — ответил Лиато. — Она сейчас выйдет.

— Я вообще-то хотела с вами поговорить...

— После. Тебя ждет принц Пион. — Отец покачал головой и вновь вернулся к чтению. Если сейчас затеять разговор, то словесной перепалки будет не избежать, это стало ясно по надутому лицу дочери — поэтому лучше на время отправить ее к принцу Пиону, чтобы все немного успокоились.

— Хорошо. — Ирис обиженно шмыгнула носом. — Я вернусь.

— Да хранит тебя Создатель, мой цветочек. — Фея Сирень погладила ее по голове, безуспешно пытаясь невзначай поправить небрежную прическу.

Ирис изо всех сил постаралась улыбнуться и сделать вид, что все высказанное родителями она приняла к сведению. Чмокнув маму в щеку, она с ленцой вышла в коридор, отправляясь на встречу с принцем Пионом.

Сжимая в руках тяжелый фонарь с догорающей свечей, ее ожидал пожилой придворный, внуку которого на прошлой неделе она изготовила особое масло от ночных кошмаров. Мужчина уставился на нее стеклянными немигающими глазами, под его широкими густыми усами скрывался строгий рот. Он с трудом склонил голову перед Ирис и пошел впереди, едва удерживая на весу раскачивающийся фонарь.

Свет пробился сквозь недружелюбные коридоры. Волшебница тихонько хмыкнула — если пофантазировать, то, неотрывно вглядываясь в темные движущиеся контуры, растекающиеся по стене и полу, можно придумать целую историю о том, как горбатый кузнецик (придворный напоминал именно его) ведет на съедение пауку маленькую упитанную стрекозу (мантия Ирис необъяснимым образом обратилась в черные тонкие крылья в форме капли). Старик сипло закашлял, как бывает, когда на небо упрямо прилепляется невидимая пыль. От этого тени исказились, и вот уже кузнецик обратился пауком, жадно заглатывающим трепещущую жертву.

Девушка инстинктивно вздрогнула и уставилась в пол, стараясь заполнить голову воспоминаниями о том, что когда-то, если верить рассказам принцессы Тирлипат, он был покрыт позолотой, пока лет пятьдесят назад ради каких-то нужд ее не соскребли и не продали Туксуму.

Через пару минут Ирис окончательно пришла в себя и с ленцой следовала за придворным шаг в шаг, лишь бы

ненароком не свернуть с дороги, избежав подневольной встречи с дальним родственником.

Возле арки, ведущей в покои принца, слуга, раскланявшись, оставил девушку и, чуть запинаясь, поблагодарил за масло для внука, который не только избавился от кошмаров, но и стал менее капризным.

Оставшись в темноте в одиночестве, Ирис стоило большого труда не улизнуть обратно к родителям, но, вспомнив о дальних родственных связях и статусе гостя, она заставила себя шагнуть в змеиную нору.

Кабинет располагался в самом темном углу, будто это могло гарантировать защиту от безнаказанного присутствия посторонних и лишних ушей. Тем более что не подслушать нынешнюю беседу принца Пиона с кем-то из придворных стоило больших усилий: отличающийся особенно громким голосом, столь диссонирующим с его маленьким ростом и телом атлета, правитель умел как привлечь к себе внимание, так и отвлечь от небольших изъянов своей внешности — короткой шеи и чересчур полных для мужчины губ.

— Значит, говоришь, этого ублюдка зовут Карнеол.

— Да, ваша светлость. Он держит парня при себе и никому не дает в обиду, несмотря на его скверный характер.

— Так это точно он?

— Никто не говорит прямо, но это именно он. Все сходится. — Придворный изо всех сил пытался шептать, но то и дело срывался на высокие звуки, вторя принцу. — Вы ведь прекрасно знаете, что нашему источнику можно абсолютно доверять.

— Ясно, выродок пытается скрывать правду о парнишке до последнего, — причмокнув, правитель чем-то загремел, видимо, пряча донесение. — Славно тогда припугнули старика. Кто же знал, что он проявит такую... хм... смекалку.

— От себя добавлю, что вряд ли им можно гордиться: он глуп, хоть и весьма недурен.

— А разве кто-то из его предков был другим? От них никогда и не требовалось большего. Хм... — Теперь принц чем-то зашуршал, как кот, забравшийся в сарай.

Ирис от нетерпения притопнула на месте и, утомившись от однообразных рассуждений, скрипнула дверью — будто ненароком, намекнув тем самым на свое присутствие. Пара секунд — и дубовое полотно чуть было со всей силой не ударило ее по носу, но девушка вовремя отскочила.

На нее угрюмо уставился первый советник принца Пиона. Залысины, огромный лоб и толстый сплюснутый нос делали его похожим на обезьяну, а навязчивый запах календулы вызывал слабое удушье. Желая избежать нежелательного общения с этим человеком, Ирис без спроса пролезла робкой змейкой сквозь небольшой просвет между ним и дверью в кабинет.

Даже здесь правитель оставался верен себе: все пространство озарялось одной-единственной узкой свечой. Пламя дрожало и было готово затухнуть от любого самого тихого вздоха, но принц Пион, похоже, привык к этому, и даже такой свет казался ему слишком ярким — он щурил круглые, чуть навывкате глаза.

Ирис, расправляя невидимые складки платья и мантти, покорно встала перед ним и поклонилась, как и полагается любящей, добропорядочной и очень дальней родственнице.

— Ты подумала? — Принц Пион предпочел не заморачиваться на различные придворные ухищрения, а сразу перейти к делу — на его взгляд, весьма очевидному.

— О чем, ваша светлость? — Ирис нахмурила брови.

— Тогда придется соображать прямо на ходу, тем более соглашаться надо прямо сейчас. — Глаза принца еще больше округлились, как у рыбки в выпуклом аквариуме.

— Соглашаться на что? — Ирис ошарашенно обернулась, но выход преградил первый советник.

— Милая сестренка, кажется, я уже прямо намекал тебе, что ты и твои родители здесь исключительно по причине твоих способностей.